

КУРТ

ВОННЕГУТ

МАЛЫЙ НЕ ПРОМАХ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Курт Воннегут

Малый не промах

Серия «Эксклюзивная классика (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=132884

Малый не промах : [роман] / Курт Воннегут: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-116304-4

Аннотация

«Поздний» Воннегут – во всей безжалостной жестокости его острого таланта.

Странная история Руди Вальца – скромного фармацевта и незадачливого драматурга, снова и снова ищущего ответы на два вопроса.

Как случилось, что много лет назад он, совсем еще ребенок, совершил убийство? И почему именно он, до сих пор терзаемый чувством вины, оказался одним из немногих уцелевших во время катастрофы, которая унесла тысячи жизней? Чувство вины личной перетекает для него в чувство вины «глобальной», общечеловеческой. И девиз его – никого не любить, никому не верить, ни во что не вмешиваться – обретает совершенно новый, философский смысл...

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	5
1	11
2	18
3	23
4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Курт Воннегут

Малый не промах

Kurt Vonnegut
DEADEYE DICK

Публикуется с разрешения Kurt Vonnegut LLC и литературного агентства The Wylie Agency (UK) LTD. **Copyright © 1982 by The Ramjac Corporation. All rights reserved**

Печатается с разрешения издательства Dial Press, an imprint of Random House, a division of Penguin Random House LLC и литературного агентства Nova Littera SIA.

© The Ranjae Corporation, 1982

© Перевод. М. Ковалева, наследники, 2019

© Перевод. Р. Райт-Ковалева, наследники, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Тебе, Джил

Предисловие

Малый не промах – прозвище, родившееся еще в те времена, когда умение метко стрелять, бить без промаха, прямо в яблочко, вообще виртуозное владение огнестрельным оружием считалось у нас, на Среднем Западе, одним из главных достоинств настоящего мужчины. Со временем это прозвище приобрело несколько иной смысл – им награждали человека ловкого, пробивного, везучего, «любимца Фортуны»: такой своего не упустит, ему пальца в рот не клади.

Так что прозвище это двусмысленное, оно похоже на двоякодышащую рыбу, которая родилась в океане, а потом приспособилась и к жизни на суше.

Я вставил в эту книжку несколько кулинарных рецептов в качестве музыкальных пауз, чтобы у читателя слюнки потекли. Взял я эти рецепты из кулинарных книг: «Американская кухня» Джеймса Бирда, «Сборник классических рецептов итальянской кулинарии» Марчеллы Казан и «Американская кулинария» Би Сандлер. Честно говоря, я немного переделал эти рецепты, так что пользоваться этим романом вместо поваренной книги я никому не советую.

Тем более что у каждого серьезного любителя или любительницы поварского искусства должна быть собственная библиотечка поваренных книг.

В этой книге описан настоящий отель – это грандотель «Олоффсон» в Порт-о-Пренсе на Гаити. Я очень люблю этот отель и уверен, что он всем понравится. Мы с моей любимой женой Джил Кременц жили там в так называемом коттедже Джеймса Джонса. В этом коттедже была операционная, когда там стоял штаб бригады морской пехоты США: с 1915 по 1934 год бригада оккупировала Гаити, чтобы охранять американские финансовые интересы.

Фасад простого деревянного домика, как и весь отель, потом разукрасили всякой резьбой, и он стал похож на пряничный домик.

Кстати, покупательная способность гаитянского доллара равна покупательной способности американского доллара, и американские доллары там везде в ходу. Только на Гаити, кажется, не принято изымать из обращения потрепанные в употреблении доллары и заменять их новыми купюрами. Там просто принимают любую долларовую купюру, если она даже истерта до толщины папиросной бумаги и от нее остался клочочек не больше почтовой марки.

Года два назад, после возвращения с Гаити домой, я нашел у себя в бумажнике такой доллар и отослал его по почте владельцам отеля «Олоффсон», Элу и Сью Зейц, с просьбой выпустить его на волю там, где он привык жить. В Нью-Йорке он не протянул бы и дня.

Джеймс Джонс (1921–1977), американский писатель, действительно жил в коттедже, который теперь называется «Коттедж Джонса». Он со своей женой Глорией провел там первые месяцы после свадьбы. Теперь для приезжих писателей большая честь жить именно в этих стенах.

Говорят, что в этом домике завелось привидение, но это не «дух» Джеймса Джонса, а чей-то другой. Мы его ни разу не видели. Но те, кто будто бы его видел, говорят, что это молодой человек белой расы, в белом халате и как будто он напоминает служителя больницы. В коттедже две двери: сзади – выход в здание отеля, спереди – на застекленную веранду.

Говорят, что привидение всегда проходит одним и тем же путем: появляется с черного хода, что-то ищет в шкафу, которого сейчас уже нет, а потом выходит через веранду. Но ни в самом отеле, ни на крыльце его никто никогда не встречал.

Видно, он что-то натворил или подсмотрел, когда тут, в коттедже, была операционная, и его мучает совесть.

В этой книге рассказано о четырех художниках. Один из них жив: это мой друг Клифф Маккарти, он живет в городе Афины, в штате Огайо. Трое других давно скончались: это Джон Реттиг, Фрэнк Дювенек и Адольф Гитлер.

Клифф Маккарти – мой ровесник, и родился он примерно в том же районе США, что и я. Когда он поступил в художественную школу, ему постоянно вбивали в голову, что самый большой порок для художника – стать эклектиком, заимствующим стиль то у одного художника, то у другого. А недавно в университете штата Огайо у него была выставка – отчет о тридцатилетней работе, и он говорит: «Теперь заметил, что был эклектиком». Но работы у него прекрасные и очень сильные. Моя любимая картина – «Портрет матери художника перед свадьбой в 1917 году». На ней изображена девушка в нарядном платье, и кто-то уговорил ее позировать в лодке, на корме. Лодка стоит в тихом затоне; речка совсем неширокая, ярдах в пятидесяти виден лесистый берег. И девушка смеется.

Джон Реттиг жил в самом деле. Одна из его картин находится в Музее изобразительных искусств города Цинциннати, называется «Распятие в Риме», и я ее точно описал.

И Фрэнк Дювенек жил в самом деле, у меня даже есть его работа «Голова мальчика». Это сокровище я получил в наследство от отца. Я почему-то всегда думал, что это портрет моего брата Бернарда – до того мальчик на него похож.

И Адольф Гитлер действительно учился живописи в Вене до Первой мировой войны, и вполне возможно, что его лучшая работа называлась «Миноритская церковь в Вене».

Я вам объясню основную символику этой книги.

В ней говорится о забытом и заброшенном выставочном помещении в форме шара. Это моя голова теперь, когда мне скоро стукнет шестьдесят.

В книге описан взрыв нейтронной бомбы в густонаселенном районе. Вот так же в Индианаполисе уже умерли многие люди, которых я любил, когда жил там и только начинал писать. Индианаполис стоит на месте, а тех людей уже нет на свете.

Гаити – это Нью-Йорк, где я сейчас живу.

Бесполоый фармацевт, от лица которого ведется рассказ, – моя угасающая потенция. Преступление, которое он совершил в детстве, – символ всех моих прегрешений.

Это не история, а беллетристика, так что не вздумайте пользоваться этой книгой вместо справочника. К примеру, я говорю, что послом США в Австро-Венгрии, когда началась Первая мировая война, был Генри Клауз из Огайо. А на самом деле послом в то время был Фредерик Кортленд Пенфилд из Коннектикута.

И еще я пишу, что нейтронная бомба – что-то вроде волшебной палочки: людей она убивает мгновенно, а их имущество остается в целости и сохранности. Эту выдумку я позаимствовал у сторонников третьей мировой войны. Настоящая нейтронная бомба, взорвавшись в населенных местах, причинит куда больше страданий и разрушений, чем я описал.

Я неправильно написал и про креольское наречие, потому что главный герой книги, Руди Вальц, только начал изучать этот диалект французского языка. Я утверждаю, что в этом языке существует только настоящее время. Но так может показаться начинающему, особенно если креолы, разговаривая с иностранцем, понимают, что ему легче всего выучить для начала только настоящее время.

Мир.

К. В.

*Кто эта Селия? Чем хороша, Что все ее так
превозносят?*

Отто Вальц (1892–1960)

1

Всем, пока еще не рожденным, всем невинным, ничего не ведающим комочкам аморфного небытия: берегитесь жизни!

Я не уберегся от жизни. Я захворал жизнью в тяжелой форме. Я был легким комочком аморфного небытия, как вдруг открылся маленький смотровой глазок. В него хлынул свет, прорвался звук. Наперебой зазвучали голоса, рассказывая мне о том, кто я такой и что творится вокруг меня. Спорить с ними не приходилось. Они говорили, что я – мальчик по имени Рудольф Вальц. Так оно и было. Они говорили, что сейчас 1932 год. Так оно и было. Они говорили, что я нахожусь в Мидлэнд-Сити, в штате Огайо, – и так оно и было.

Эти голоса никогда не умолкают. Год за годом они сообщают мне все, до мельчайших подробностей. Я и сейчас их слышу. Знаете, что они мне говорят? Что сейчас идет 1982 год и что мне уже пятьдесят лет.

И болтают, и болтают...

Моего отца звали Отто Вальц, его «глазок» открылся в 1892 году, и ему сообщили, что он унаследует порядочное состояние, нажитое главным образом продажей под видом лекарства знахарского снадобья под названием «Бальзам св. Эльма». Это был спирт, подкрашенный чем-то лиловым, для

запаха туда клали гвоздику, корень сарсапарели и немного опиума и кокаина. Как говорится: «Пить-то не вредно, а бро-сишь — каюк».

Мой отец, как и многие наши знакомые, родился в Мидлэнд-Сити. Он был единственным сыном, и его мамаша, неизвестно почему, решила, что он станет вторым Леонардо да Винчи. Когда ему было всего десять лет, она устроила для него мастерскую на чердаке каретного сарая, стоявшего за их старинным особняком, и пригласила жуликоватого немца-мебельщика, который в молодости учился живописи в Берлине, давать отцу уроки рисования по субботам и после школы.

И для учителя, и для ученика это стало чудной халтурой. Учителя звали Август Гюнтер, и его смотровой глазок открылся в Германии году в 1850-м. Преподавание хорошо оплачивалось, не то что работа мебельщика, и при этом можно было пить сколько влезет.

После того как у моего отца огрубел голос, Гюнтер стал брать его с ночевкой то в Индианаполис, то в Цинциннати, то в Луисвилл или в Кливленд под тем предлогом, что они посетят там картинные галереи или мастерские художников. Там они ухитрялись каждый раз как следует нализаться и ходили по самым шикарным борделям на всем Среднем Западе, где стали общими любимцами.

И собирался ли хоть один из них выдать их общий секрет: что учить моего папашу писать маслом или рисовать было

бесполезно?

* * *

Кто мог бы вывести их на чистую воду? В Мидлэнд-Сити искусством никто не интересовался, никто бы и не понял, есть у моего отца способности к живописи или нет. Он мог бы с тем же успехом изучать санскрит – до этого никому не было дела.

Мидлэнд-Сити не Вена, не Париж. Это даже не Сент-Луис или Детройт. Это – настоящий Бусайрос. Это – Кокомо.

Мошенничество Гюнтера, конечно, было обнаружено, но слишком поздно. Его вместе с моим папашей арестовали в Чикаго – они буянили и крушили мебель в публичном доме. Выяснилось, что отец заразился гонореей и так далее. Но отец уже был в свои восемнадцать лет забубенным гулякой.

Гюнтера разоблачили, выгнали без рекомендаций. Старик Валцы – дед и бабка – были очень влиятельными людьми благодаря бальзаму св. Эльма. Они сообщили всем знакомым, что никто из порядочных людей не должен пускать этого Гюнтера на порог и давать ему работу – ни по столярной части, ни по какой другой, никогда.

Отца отослали к родственникам в Вену – лечиться от дурной болезни и заниматься живописью во всемирно известной Академии изящных искусств. Пока он был в море, в ка-

юте первого класса на пароходе «Лузитания», великолепный особняк его родителей сгорел дотла. Пошел слух, что его спасил Август Гюнтер, но никаких улик не нашли.

Родители моего отца решили не строить новый особняк на старом месте и поселились на своей ферме в тысячу акров, а на пожарище остался только каретный сарай да яма – бывший погреб.

Случилось все это в 1910 году – за четыре года до Первой мировой войны.

Итак, отец явился в Академию изящных искусств с папкой рисунков, созданных в Мидлэнд-Сити. Я сам видел часть этих произведений – после смерти отца мама иногда с грустью перебирала их. Отец хорошо владел штриховкой, умел передать складки на драпировках – видно, Август Гюнтер был мастер по этой части. Но почти все на рисунках отца как-то смахивало на бетонные изделия – бетонная дама в бетонном платье прогуливалась бетонного песика, на лугу паслось бетонное стадо, бетонная ваза с бетонными фруктами стояла на окне с бетонными портьерами и так далее.

В портретах сходства он тоже добиться не мог. Он показал в академии несколько портретов своей матери, и я, глядя на них, совершенно не мог представить, как она выглядела на самом деле. Ее смотровой глазок закрылся задолго до того, как открылся мой. Я только знаю, что найти среди ее портретов хоть два схожих между собой было невозможно.

Отца просили зайти в академию недели через две за ответом, примут его туда или нет.

Он тогда одевался в лохмотья, подпоясывался веревкой, ходил в залатанных штанах и так далее – хотя получал из дому огромные деньги. Вена была столицей великой империи, на улицах было много военных в роскошных мундирах и людей в самых экзотических костюмах, вино лилось рекой, повсюду гремела музыка, и отцу казалось, что идет настоящий карнавал. Вот он и решил нарядиться в маскарадный костюм «голодающий художник». Смеху будет!

Наверное, он был очень хорош собой, потому что лет через двадцать пять, когда я его, так сказать, увидел своими глазами, он был самым красивым мужчиной в Мидлэнд-Сити. До самой смерти он был строен и подтянут. Росту в нем было шесть футов. Глаза синие-синие. А волосы золотистые, кудрявые, и его кудри ничуть не поредели до самого того часа, когда закрылся его смотровой глазок и он перестал быть Отто Вальцем и снова стал одним из комочков аморфного небытия.

Как было условлено, он зашел в академию через две недели, и профессор вернул ему папку с рисунками, добавив, что его работы нелепы до смешного. Вместе с ним пришел еще один молодой человек, тоже очень обтрепанный, и ему тоже с презрением вернули его работы.

Звали этого типа Адольф Гитлер. Он был урожденный ав-

стриец. Приехал из города Линца.

Отец до того разозлился на профессора, что тут же отомстил ему. Он попросил Гитлера показать свои работы и просмотрел их на глазах у профессора, потом взял наугад одну картинку, сказал, что это гениальное произведение, и на месте купил ее у Гитлера, заплатив наличными больше, чем профессор, вероятно, мог бы заработать за месяц, а то и за несколько месяцев.

Примерно за час до этого Гитлер загнал свое пальто, чтобы хоть чего-нибудь перекусить, а ведь зима была не за горами. Значит, если бы не мой папаша, Гитлер, может, помер бы с голоду или от воспаления легких еще в 1910 году.

Отец и Гитлер даже подружились – бывает, что людей так сводит жизнь, – они утешали друг дружку, развлекали, посмеивались над мэтрами, не признававшими их, и так далее. Я знаю, что они несколько раз совершали вдвоем длинные пешие походы. Об их сердечной дружбе я узнал от мамы. Когда я с годами заинтересовался прошлым моего отца, уже назревала Вторая мировая война и отец молчал как рыба о своей бывлой дружбе с Гитлером.

Подумать только: мой отец мог придушить самое мерзкое чудовище двадцатого века, мог бы просто дать ему умереть с голоду или замерзнуть под забором. А он вместо этого стал закадычным другом Гитлера.

Вот мое главное возражение против жизни как таковой: слишком уж много самых чудовищных ошибок можно со-

вершить, пока живешь на свете.

Акварель, купленную моим отцом у Гитлера, и теперь считают лучшей работой чудовища, пока оно было художником; картинка долго висела над кроватью моих родителей в Мидлэнд-Сити, штат Огайо. Она называлась «Миноритская церковь в Вене».

Отца очень хорошо принимали в Вене, и все знакомые считали, что он американский миллионер, который живет под видом нищего художника, он там и развлекался почти четыре года. В августе четырнадцатого года, когда вспыхнула Первая мировая война, он вообразил, что карнавал теперь превратился просто в пикник на свежем воздухе где-нибудь за городом. Он был так счастлив, так наивен, так доволен собой, что попросил своих влиятельных друзей помочь ему вступить в венгерскую лейб-гвардию, где при офицерской форме полагалось носить шкуру барса.

Он был просто влюблен в эту барсову шкуру.

Но его вызвал к себе американский посол в Австро-Венгерской империи, некий Генри Клауз, который был родом из Кливленда и хорошо знал родителей моего отца. Тогда отцу было двадцать два года. Клауз объяснил отцу, что он потеряет американское гражданство, если вступит в ряды иностранной армии, и что он, посол, навел справки об отце и узнал, что он совсем не такой художник, каким себя воображает, что он сорит деньгами, как пьяный матрос, и что обо всем этом посол сообщил родителям отца, уведомив их, что сынок совершенно потерял представление о действительности и что пора его срочно вызвать домой и определить на какую-нибудь приличную работу.

– А если я откажусь? – спросил отец.

– В таком случае ваши родители решили больше вам денег не посылать, – сказал Клауз.

И отцу пришлось возвратиться домой.

Не думаю, чтобы он надолго задержался в Мидлэнд-Сити, если бы не помпезный каретный сарай – единственное, что осталось от его родного дома. Он был шестиугольный. Он был каменный. Крыша на нем была шатровая, крытая шифером. Изнутри она опиралась на прочные дубовые балки. Все сооружение напоминало небольшой кусочек Европы, перенесенный на юго-запад штата Огайо. Это был подарок моего прадеда Вальца молодой жене, тосковавшей по родному Гамбургу. Все строение до последнего камня было точной копией картинки из любимой прабабушкиной книги немецких сказок.

Оно сохранилось до сих пор.

Однажды я водил по этому сооружению искусствоведа из Огайского университета, что в Афинах, штат Огайо. Он сказал, что оно похоже на амбар, построенный в средние века на развалинах римской сторожевой башни времен Юлия Цезаря.

А Цезаря-то убили две тысячи лет тому назад.

Подумать только...

Я думаю, что мой отец все же был не совсем бездарным

художником. Как и его приятель Гитлер, он питал слабость к романтической архитектуре. Он стал перестраивать каретный сарай под студию художника, достойную нового Леонардо да Винчи, каким считала отца обожавшая его мать.

– Бабка твоя совсем ума лишилась, – говорила мне мама.

Иногда я думаю, что у меня была бы совсем другая психика, если бы я вырос в обыкновенном маленьком американском домике – если бы наш дом был не таким огромным.

Отец распродал все экипажи, стоявшие в сарае, – сани, дрожки, фаэтон, карету, да мало ли что там было. Потом он велел сломать стенки всех десяти денников и комнаты для упряжи. Теперь он мог расположиться в огромном помещении; такого простора и таких высоких потолков не было ни в одной церкви и ни в одном официальном учреждении Мидлэнд-Сити.

Можно ли было там играть в баскетбол? Баскетбольная площадка имеет двадцать восемь метров в длину и пятнадцать в ширину. А дом, где прошло мое детство, имел всего двадцать четыре метра в диаметре. Так что он метра на четыре не дотянул до баскетбольной площадки.

В этом каретнике было двое ворот, куда легко могла бы въехать карета четверней: одни ворота выходили на юг, другие – на север. Отец велел снять створки северных ворот, и его старый наставник Август Гюнтер сделал из них два сто-

ла – обеденный стол и рабочий стол для отца, где он разложил на виду свои краски, кисти, мастихины, палочки угля и так далее.

Пролет застеклили – до сих пор это самое большое окно во всем Мидлэнд-Сити; свет падал с северной стороны – при таком освещении любили писать все великие художники.

И перед этим окном стоял мольберт отца.

Да, он снова связался с малопочтенным Августом Гюнтером, которому уже давно перевалило за шестьдесят. У старого Гюнтера была только одна дочь, Грэйс, так что к моему отцу он относился как к родному сыну. И более подходящего сына для Гюнтера трудно было себе представить.

Тогда мама была еще совсем девчушкой, и жила она в особняке по соседству. Она до смерти боялась старика Гюнтера. Ей внушили, что все хорошие девочки должны убежать от него. И до самой смерти мама вздрагивала, когда при ней поминали Августа Гюнтера. Для нее он был пугалом. Она его боялась, как лешего.

Надо добавить, что отец закрыл ворота, выходившие на юг: запер их на засов, и рабочие законопатили все щели, чтобы не дуло. А потом Август Гюнтер сделал входную дверь. Это был вход в студию моего отца, где мне предстояло провести детство.

Над огромным помещением шла широкая шестиугольная галерея. Ее разделили перегородками, устроили там спаль-

ни, ванн, комнаты и небольшую библиотеку.

Выше был чердак под шатровой крышей, крытой шифером. Отцу чердак, как видно, поначалу был не нужен, и он не стал его переделывать.

Все это было ужасно непрактично, но мне кажется, что отец именно этого и добивался.

Отец был в таком восторге от огромного пространства, от пола, мощенного булыжником по песчаному грунту, что и кухню собирался перенести на галерею. Но тогда прислуге пришлось бы возиться рядом со спальнями, и вся эта возня, да и кухонные запахи мешали бы нам спать. А подвального помещения для кухни не было.

Так что отцу пришлось скрепя сердце поместить кухню внизу, приткнуть ее под галерею и отгородить старыми досками. Там было тесно и душно. Но я полюбил эту кухоньку. Мне там было так спокойно, так уютно.

Многим людям казалось, что в нашем доме нечисто; и в самом деле, когда я родился, у нас чердак был заполнен силами зла. Там хранилась целая коллекция – более трехсот образцов старинного и современного огнестрельного оружия. Отец закупил все это в 1922 году, когда они с мамой проводили свой полугодовой медовый месяц, путешествуя по Европе. Отец не мог налюбоваться на все эти ружья, а ведь они были не лучше, чем кобры или гремучие змеи.

Они несли смерть.

Смотровой глазок моей матери открылся в Мидлэнд-Сити в 1901 году. Она была на девять лет моложе отца. Как и он, мама была единственным ребенком в семье. Она была дочерью Ричарда Ветцеля – основателя и главного акционера мидлэндского отделения Национального банка. Ее звали Эмма.

Родилась она в роскошном особняке, где было множество слуг, рядом с домом, где вырос мой отец, но четыре года тому назад, в 1978 году, когда мы с ней жили в тесной конурке-«нужничке» в предместье Мидлэнд-Сити под названием Эвондейл, она умерла в полной нищете.

* * *

Она помнила, как горел родной дом моего отца, – ей тогда было девять лет, а мой отец ехал учиться в Вену. Но гораздо более сильное впечатление, чем этот пожар, на нее произвел мой отец, когда он, вернувшись из Вены, осматривал каретный сарай, обдумывая, как перестроить его под мастерскую.

Впервые она увидела его сквозь живую изгородь, проходившую между их участками. Она была длинноногой, большею триннадцатилетней девчонкой и никогда в жизни не

видала на мужчинах ничего, кроме рабочих комбинезонов и будничных пиджаков. Ее родители говорили про моего отца с восхищением – он был из прекрасной и к тому же богатой семьи. Они в шутку сказали девочке, что хорошо бы ей, когда она вырастет, выйти за него замуж.

И когда она поглядела на него в просвет, у нее бешено забилось сердце. Господи боже! Он был в алом, шитом серебром мундире, с плеча спускалась шкура барса, а на голове красовался соболий кивер с пурпурным султаном.

Эту форму он привез домой вместе с другими сувенирами из Вены, это был парадный мундир майора венгерской лейб-гвардии, в которую ему так хотелось вступить.

Но лейб-гвардейские полки Австро-Венгрии, вероятно, в те дни уже переоделись в серую походную форму.

Приятель отца, Адольф Гитлер, австриец по происхождению, как-то ухитрился попасть не в австрийскую, а в германскую армию, потому что он всегда восхищался немцами и Германией. Он тогда уже носил серую походную форму.

В то время мой отец жил с родителями под Шепердстауном, но все свои сувениры хранил в старом каретном сарае. И в тот день, когда моя мама увидела его в форме, он раскрывал все чемоданы и сундуки вместе со своим прежним наставником Августом Гюнтером. Он нарядился в парадную форму, чтобы позабавить этого Гюнтера.

Они вынесли стол из сарая. Им захотелось позавтракать

в тени старого каштана. Они принесли с собой пиво, хлеб и колбасу, сыр и жареную курицу – все это было местно-го производства. Кстати, этот сорт сыра назывался «Лидер-кранц», и все думают, что это импортный сыр, из Европы. На самом деле такой сыр стали впервые делать в Мидлэнд-Сити, штат Огайо, примерно в 1865 году.

И вот отец, усаживаясь со старым Гюнтером за стол и предвкушая хороший завтрак, вдруг заметил, что сквозь живую изгородь на них с любопытством смотрит маленькая девочка, и он стал громко подшучивать над ней. Он сказал Гюнтеру, что давно не был дома и забыл, как называются американские птички. Вон там в кустах какая-то птичка, сказал он, потом стал описывать маму, как будто она была птичкой, и спросил у старика Гюнтера, как такие пташки называются.

Потом он направился к «пташке» с кусочком хлеба и спросил: едят ли такие маленькие птички хлеб? Но мама сразу сбежала домой.

Она сама мне об этом рассказывала. И отец рассказывал.

Но вскоре она снова прибежала в сад и нашла другое место, откуда было удобно подсматривать за ними так, чтобы они ее не заметили. На этот завтрак пожаловали еще два очень странных человека. Это были невысокие смуглые юноши, очевидно, только что перешедшие вброд реку. Они были

босиком, и штаны у них намокли выше колен. Мама никогда ничего подобного не видела, и вот почему: это были родные братья итальянцы, а раньше в Мидлэнд-Сити итальянцев не видывали.

Это были восемнадцатилетний Джино Маритимо и его брат, двадцатилетний Марко Маритимо. С ними стряслась ужасная беда. Их не только никто не приглашал на завтрак – их и в Соединенные Штаты никто не звал. Еще тридцать шесть часов назад они были кочегарами на итальянском грузовом пароходе, стоявшем под погрузкой в Ньюпорт-Ньюсе, в штате Виргиния. Они удрали с корабля, чтобы не угодить на военную службу у себя на родине, ну и потому, что в Америке улицы вымощены золотом. По-английски они не знали ни слова.

В Ньюпорт-Ньюсе другие итальянцы забросили их, вместе с их картонными чемоданишками, в пустой товарный вагон поезда, отправлявшегося в неизвестном направлении. Поезд тронулся сразу. Солнце закатилось. Ночь стояла безлунная, беззвездная. Америка была сплошной тьмой и перестуком колес.

Откуда я узнал? Джино и Марко Маритимо на старости лет сами рассказали мне об этом.

Где-то – может, в Западной Виргинии – из этой беспроемливой тьмы возникли четверо американских бродяг, ворвались в вагон к Марко и Джино и, пригрозив ножами, ото-

брали у них чемоданчики, пальто, шляпы и башмаки.

Братьям еще повезло – им запросто могли перерезать глотки, просто так, для забавы. Кому какое дело?

Как им хотелось тогда, чтобы их смотровые глазки захлопнулись! А кошмар длился и длился. Поезд останавливался не раз, но вокруг было так гнусно, что Джино и Марко не могли заставить себя выйти из вагона и остаться жить в таких мерзких местах. Но вскоре два железнодорожных сыщика с длинными дубинками вышвырнули их на одной из станций, и, хочешь не хочешь, им пришлось высадиться в пригороде Мидлэнд-Сити, по ту сторону Сахарной речки.

Их мучила жажда, они совсем изголодались. Им оставалось либо ждать смерти, либо что-то придумать. И они придумали. На другом берегу речки они увидели шатровую крышу, крытую шифером, и пошли туда. Чтобы заставить себя переставлять ноги и куда-то идти, они внушили себе, что им во что бы то ни стало надо добраться именно до этого дома.

Они перешли Сахарную речку вброд, боясь идти по мосту, чтобы не попасться кому-нибудь на глаза. Будь Сахарная речка поглубже, они бросились бы вплавь.

Тут-то они и удивились, не меньше, чем моя матушка, когда перед ними вдруг оказался молодой человек в алом, шитом серебром мундире и в соболевом кивере.

Когда отец взглянул на них – он сидел на скамье, под деревом, – Джино, младший из братьев, всегда верховодивший,

сказал по-итальянски, что они изголодались и согласны на любую работу, если их накормят.

Отец ответил им по-итальянски. Он хорошо знал еще несколько языков, свободно говорил по-французски, по-немецки и даже по-испански. Он предложил братьям присесть на скамью и поесть вволю, если они и вправду так проголодались. Он добавил, что нельзя допускать, чтобы люди голодали.

Им показалось, что перед ними какое-то божество. А ему ничего не стоило стать для них божеством.

Когда они наелись, он провел их на чердак над галереей, в наш будущий арсенал. Там стояли две старые койки. В окошечки в куполе лился свет, веял свежий ветерок. Стремянка, крепко привинченная к полу посередине чердака, вела наверх, в купол. Отец сказал братьям, что они могут пожить тут, пока не найдут чего-нибудь получше.

Он добавил, что внизу, в сундуках, лежат старые башмаки, свитера и всякая другая одежда: может, им что-нибудь пригодится.

На следующий день он дал им работу – рушить перегородки между денниками и стенку комнаты для упряжи.

И хотя братья Маритимо впоследствии стали богатыми и весьма влиятельными людьми, а мой отец обнищал и впал в полное ничтожество, для братьев он как был, так и остался божеством.

И вот тогда-то, еще до того, как Америка вступила в Первую мировую войну против Германской империи, и Австро-Венгерской империи, и Оттоманской империи, смотровые глазки отцовских родителей навек закрылись от угара – что-то испортилось в отопительной системе на их ферме, под Шепердстауном.

И мой отец стал главным акционером их семейной фармацевтической фирмы «Вальц и братья», носам ничего в нее не вложил – разве что насмешку и презрение.

Отец являлся на собрания акционеров в берете, в заляпанном красками халате и сандалиях, приводил туда старика Августа Гюнтера, называя его своим адвокатом, и утверждал, что оба дяди и все их сынки, фактически управлявшие делами фирмы, – люди невыносимо провинциальные, лишённые всякого чувства юмора, одержимые только жадной наживы и так далее.

Он спрашивал их, когда же они перестанут отравлять своих сограждан – и так далее. В то время его дядюшки со своими сыновьями открыли первые аптеки-закусочные по всему штату: они особенно гордились своими прохладительными напитками и не жалели затрат, чтобы их мороженое было на уровне мировых стандартов. А мой отец в насмешку всегда спрашивал их, почему в аптеке «Вальц и братья» мороженое

на вкус точь-в-точь крахмальный клейстер – и так далее.

Понимаете, он был художником, и его интересовали куда более великие дела, чем какое-то там аптекарское дело.

Кстати, теперь, пожалуй, пора сказать, какую профессию выбрал я сам. Угадайте-ка! Я, Руди Вальц, сын великого художника Отто Вальца, стал дипломированным фармацевтом.

Тогда-то конец тяжелой дубовой балки и упал на левую ногу отца. Вышло это по пьяному делу. Во время шумной пирушки в студии, где валялось много всяких инструментов и строительных материалов, отцу вдруг пришла в голову блестящая мысль, которую надо было безотлагательно осуществить. Во что бы то ни стало надо было заставить подвыпившую компанию взяться за работу под руководством моего папаша, и тут молодой владелец молочной фермы, по имени Джон Форчун, выпустил из рук конец балки. Балка упала отцу на ногу, раздробив кости стопы. Два пальца захватил некроз, их пришлось ампутировать.

Так что, когда Америка вступила в Первую мировую войну, отца признали непригодным к военной службе.

Однажды отец, уже стариком, после того как он отсидел два года в тюрьме и они с матерью совсем разорились – у них отсудили все деньги и все собрание картин и других произведений искусства, – сказал мне, что для него самым боль-

шим разочарованием в жизни было то, что он никогда не служил в армии. Это была едва ли не последняя из его иллюзий: он считал, что рожден для великих подвигов на поле брани, и кто знает – может, так оно и было.

До конца жизни он, разумеется, завидовал Джону Форчу-ну. Человек, раздробивший ему стопу, стал героем в траншеях Первой мировой войны, и отца огорчало, что он не сражался плечом к плечу с ним, чтобы, как он, вернуться домой с медалями на груди. Единственной наградой, имевшей хотя бы отдаленное касательство к военным почестям, была похвальная грамота от губернатора штата Огайо за организацию сбора утиля в округе Мидлэнд во время Второй мировой войны. Торжественной церемонии не было. Грамота просто пришла по почте – и все.

Когда эту награду прислали, отец сидел в тюрьме, в Шепердстауне. Мы с мамой привезли ему эту грамоту на очередное свидание. Мне было тогда тринадцать лет. Лучше бы мы ее сожгли и развеяли пепел по Сахарной речке. Для отца грамота была самым злым издевательством.

– Наконец-то я причислен к сонму бессмертных, – сказал отец. – Теперь мне осталось мечтать только о двух отличиях. Первое, – сказал он, – стать зарегистрированной собакой, а второе – получить место в нотариальной конторе.

Тут отец попросил у нас эту бумажку, чтобы при первой возможности употребить ее вместо туалетной бумаги, что он и не преминул сделать.

В тот день, вместо того чтобы сказать нам «До свидания!», он произнес, торжественно подняв палец:
– Зов природы!

И тогда же, осенью 1916 года, старый мошенник Август Гюнтер погиб при чрезвычайно загадочных обстоятельствах. Поднялся он спозаранку, часа за два до рассвета, приготовил себе сытный завтрак, скушал его с аппетитом, пока жена и дочь еще крепко спали. Он вышел из дому с охотничьей двустволкой, подаренной моим отцом, собираясь встретиться с ним, с Джоном Форчуном и еще кое с кем из местной молодежи у засидок на краю луга на ферме отца Джона Форчуна. Они хотели пострелять диких гусей, заночевавших на тихих заводях Сахарной речки и на Хрустальном озере. На лугу была заранее рассыпана привада – дробленая кукуруза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.